

Дмитрий ЗИНОВЬЕВ

ВОЗВРАЩЕННАЯ МОЛОДОСТЬ МИХАИЛА ЗОЩЕНКО

Имя Михаила Михайловича Зощенко хорошо известно любителям литературы. Внимание к его творчеству возникло с самых первых публикаций в 1920-х годах. К моменту появления в 1933 году в журнале «Звезда» (№ 6, 8, 10) научно-художественной повести «Возвращенная молодость» М. М. Зощенко — уже широко известный и признанный мастер.

В 1933 году вышло первое издание повести «Возвращенная молодость» отдельной книгой массовым тиражом («Издательство писателей в Ленинграде»). В 1934 году издательство выпустило второе издание этой же книги. В 1935 году книга «Возвращенная молодость» вышла в издательстве «Советский писатель» в Москве как третье издание, что говорит об огромном интересе читателей и успехе повести.

Творчество М. М. Зощенко притягивает и современных читателей яркими художественными образами, узнаваемым стилем изложения, развитием драматического сюжета и конфликта, своеобразным языком героев, интонацией высказывания, отражением эпохи и времени.

Развитие тематики повести «Возвращенная молодость» показывает устойчивый интерес М. М. Зощенко к медицинским вопросам, проявившийся и в других произведениях: «История болезни», «Медицинский случай», «Перед восходом солнца».

Повесть «Возвращенная молодость» после публикации получила большой отклик читателей. В 1933–1934 годах прошло несколько встреч М. М. Зощенко с читателями из медицинской профессиональной среды, на которых обсуждались затронутые в повести вопросы. Выступления ораторов и автора стенографировались.

В Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) сохранилась стенограмма одного из обсуждений повести «Возвращенная молодость» (фонд № 6276 — Ленинградский областной совет профсоюзов, опись № 93, дело № 66).

Характер высказываний выступающих позволяет ощутить подлинную атмосферу времени, понять проблематику актуальных вопросов, почувствовать накал состоявшейся дискуссии.

Среди участников дискуссии встречаются имена знаменитых ученых, врачей, а также тех, чьи имена известны узкому кругу специалистов либо неизвестны. В обсуждении приняли заинтересованное участие совершенно разные читатели повести, от профессоров до студентов, люди разного возраста, социального положения, статуса, интеллектуального развития. Читая стенограмму, возникает чувство, будто литературные герои М. М. Зощенко на каком-то собрании обсуждают новую книгу

Дмитрий Евгеньевич Зиновьев родился в 1960 году в Казахстане, в г. Чимкенте. Окончил Оренбургское музыкальное училище и Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковался в журналах «Новый мир», «Арион», «Топос», «Text only», «Дружба народов», «Северная Аврора», «Нева». Автор книги стихотворений «Снимок на память» (2010). Живет в Санкт-Петербурге.

автора, говорят о творчестве, о том, что их волнует, о жизни. Высказывания участников обсуждения представляют собой самостоятельный документально-художественный текст, который добавляет небольшой, но яркий штрих к творчеству блистательно-го М. М. Зоценко.

Стенограмма приводится в оригинальном виде, были исправлены явные опечатки и ошибки. Фамилии участников обсуждения повести в тексте стенограммы записаны без инициалов. Имена и отчества выступающих, которые предположительно удалось установить, приведены в квадратных скобках, также в квадратных скобках приведены неразборчивые слова стенограммы и дополнительные сведения. Выделенные заглавными буквами фамилии выступающих и темы дискуссии в тексте стенограммы сохранены.

Особую благодарность хочу выразить Черепениной Надежде Юрьевне, заслуженному работнику культуры РФ, главному методисту ЦГА СПб, за помощь при подготовке публикации.

*Дом медработника
Дворец Труда, к. 69. Тел. 6-44-03
Бюро стенографов. Заявка № 1023.
Стенографы: ВИНОГРАДОВА Э.,
РЕМИДОВСКАЯ Я.*

СТЕНОГРАММА

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ товарища ЗОЩЕНКО
«ВОЗВРАЩЕННАЯ МОЛОДОСТЬ»
от 14 апреля 1934 г.

Председатель — товарищ ОСТАНКОВ [Петр Александрович, доктор медицинских наук, профессор].

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Разрешите начать наше сегодняшнее собрание. В Президиум мы попросим следующих товарищей: профессора Останкова, которого попросим быть председателем нашего собрания, профессора Мендельсона, доктора Спендлера, доктора Эпштейна, товарища Чистова — председателя Областного комитета союза медсантруда, [товарищей] Фролова, Колосова, Тарасова, Соколова, Сафронова, Ходза, Ржевкину, Ревич, Шолохова.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Прежде чем открыть собрание и предоставить слово как автору, здесь любезно присутствующему, так и медицинскому миру, который пожелает высказаться по поводу выдающегося произведения Михаила Михайловича, позвольте мне, как открывающему собрание, подчеркнуть, что давно литература не имела так живо задетых медицинских вопросов, как это удалось М. М. Зоценко.

Я третий раз высказываюсь по этому поводу, и это произведение нужно считать талантливым произведением. Прежде всего предлагаю медицинскому миру горячо приветствовать автора, который пришел к нам. (Продолжительные аплодисменты).

Позвольте предоставить автору первое слово.

ЗОЩЕНКО. В короткое время, меньше чем в течение месяца, произошло 5 встреч с вашим медицинским миром, 5 диспутов было меньше, чем в течение одного месяца. Такое внимание к моей работе меня несколько смущает. Я свою книгу писал меньше всего для науки. Я писал ее для своих читателей, которых я знаю, и совершенно не предполагал, что мне придется встретиться вплотную с работниками науки и медицины. И мне, человеку-дилетанту в этой специальности, который недостаточно знает вашу профессию, мне представляется большой трудностью беседовать с вами.

И все же это внимание к моей книге я никак не приписываю своим заслугам, я никак не считаю, что из-за каких-то достоинств моей книги, вы так относитесь ко мне, а я думаю, что пришло время, когда нужно вам поговорить. И моя книга была только поводом в медицинской общественности для того, чтобы просто поговорить о своих темах, одну из которых я отчасти затронул. Я хотел отметить 2 основных положения.

Прежде всего мне хочется еще раз сказать, что я свою книгу писал не для людей науки. Поэтому я хотел напомнить вам, что прежде чем бранить меня за элементарно освещенные элементы с вашей точки зрения, напомнить, что я писал не для вас, не для работников науки.

Сравнение организма с машиной (мне, может быть, перед вами совестно за такое сравнение) мне было необходимо для моего читателя, которого я хорошо знаю.

Кроме того, я хочу отметить еще и такое обстоятельство. Сейчас существует много разговоров и считается модной идея соединения науки с литературой, и считается, что книжка моя попадает в сектор соединения науки с литературой. Это неверно, потому что у меня нет этого соединения, наоборот, в художественную ткань повести не вошли мысли и соображения медицинского порядка, поэтому их пришлось выделить в скобки, приложить как комментарий. Это скорее неудача, чем удача, но что касается знаменитого соединения литературы и науки, то [и] тут ничего нового нет. Это соединение всегда было, и у Льва Николаевича Толстого, у Достоевского, и у многих писателей такое соединение существует. Я читал недавно арабские сказки, там замечательный пример соединения литературы и науки, там есть сказка об одной невольнице, которая отличалась необычайным умом и ее экзаменует ряд ученых ее страны, и она рассказывает о всех науках, которые тогда существовали. Там подробно рассказано об астрономии, медицине и это очень любопытный пример соединения науки и литературы. В данном случае у меня этого нет. В другой книге, которую я пишу, которая печатается в Москве в «Красной Нови», там это соединение есть, оно органическое, но, может быть, оно и не нужно было. Мне казалось, что сделать отдельные комментарии, приложить их в конце книги достаточно для того, чтобы дополнить повесть.

Вот эти встречи, которые произошли за этот месяц, что мне это дало? Я должен сказать, что кое-что меня даже несколько обескуражило. Я не думал, что в каких-то основных вопросах существует такое разноречие. Я думал, что медицина знает более твердые установки в основных вопросах, оказывается, этого не было, и, оспаривая какое-то положение, один человек говорил одно, а другой говорил, что это так-то. В этом смысле очень любопытна стенограмма. Я не был на первом диспуте, мне дали стенограмму этих речей, и очень любопытна речь профессора Рохлина [Дмитрий Герасимович, доктор медицинских наук], который сказал, что он принимает эту книгу, как научное исследование, что он считает, что все положения, намеченные там в основном правильные, но, что наука, может быть, эти положения правильными не считает. У нас никакая профессия не знает такого противоречия.

Если у нас в литературе мы считаем, что роман хороший, так я точно знаю, почему он хороший, у меня есть какое-то профессиональное умение знать правильно ли сделан он или нет. И в этом смысле я говорю, что я в медицине рассуждаю, как дилетант. Я медицины не знаю. Я ее только по своей болезни изучил и то не изучил, а просто присмотрелся к этому делу. (Смех). Так что для меня было несколько удивительно узнать, что существует такое большое разноречие у вас. И может быть правильно, что надо чаще встречаться для того, чтобы договориться по каким-то пунктам — так это или иначе.

Из положительных сторон я должен отметить, что мне лично очень многое дали эти встречи с вашими работниками. Кое-чего я теперь, пожалуй, не написал [бы],

а кое-что написал бы иначе, если бы встречи были до написания романа. Во всяком случае какие-то поправки к следующему изданию я сделаю.

Но в основном мне не удалось узнать, в чем был порок или достоинство моей работы. Этого я все-таки не установил. Там были некоторые соображения против, но я повторяю, что следующий за этим человек говорил уже «за», так что этого я не понял.

Следующее обстоятельство, которое я хотел отметить, может быть, не совсем правильно понята моя книга «Возвращенная молодость». Я не делаю на нее упора. Наоборот, в повести я несколько шаржировано показал омоложение, что возвращение к молодости героя моего романа — обратное тому, что проделывал Воронов [так в тексте, фамилия героя повести Волосатов], что омоложение таким путем невозможно. И вот мне кажется, что в беллетристической части книги я это показал. Но в комментариях я показал, какие могут быть возможности в этой области. И опять-таки, упор я делал не на возвращении молодости, нет, я, может быть, обратил внимание человека на возможность руководить своим телом. Может быть эта идея, которую я преследовал. Из тех же стенограмм я увидел, что один профессор, кажется, Окунев, он с огорчением говорит: «Я внимательно прочел книгу товарища Зощенко и никакого рецепта омоложения не нашел». (Смех). Это подлинные его слова. Это очень странно — я никакого рецепта пока не знаю, а если бы знал, то был бы знахарем или шарлатаном, чего мне не хотелось бы.

В этом пункте, как раз были обиды со стороны читателей, потому что ожидали, что после прочтения книги, что-то откроется, и профессор Останков на первом диспуте сказал: «Я посмотрю, как путем литературы можно омолодиться». (Смех).

Было бы чрезвычайно жалко, если бы мои читатели рассматривали мою книгу, как средство как-то омолодиться, омолодиться вдруг, неожиданно, путем литературы. Это совершенно не так. Мне это сложно объяснить, этот вопрос меня занимал, хотя он не во главе моей книги.

Недавно, на одном диспуте я рассказывал о моей беседе с тремя стариками. Это было недавно. Я ужинал месяца три тому назад в Европейской гостинице с тремя знаменитыми стариками — одному 62 года, он народный артист, другому — 61 год, он тоже очень знаменитый работник искусства и третий имеет 70 лет, он большой политический работник. Вот три человека, и это были совершенно замечательные крепкие старики, они с громадным аппетитом ели — я вдвое моложе их, а я был на диете в это время, и я спросил их в разговоре (просто зашла речь о моей книге), как они сохранили свою молодость, какая борьба была в их жизни, почему они так молоды, энергичны, что они сделали? И каждый начал рассказывать. До этого было рассказано о Бернарде Шоу — вот этого человека я знал лично, когда он был в Ленинграде, я познакомился с ним, ему 80 лет, но свежесть этого человека была необычайна. У него нет дряхлости совершенно. Так вот этот человек, Бернард Шоу, по словам своих собеседников, эту молодость и свежесть сохранил, потому что он не ел мяса в течение 40 лет. Политический работник сказал, что он сохранил свою молодость, потому что всю жизнь ел мясо. (Смех). Человек, которому 63 года, на мой вопрос, как он сохранил молодость, сказал, что он свою необычайную молодость и энергию сохранил потому, что он не боится ничего. Он считает, что в тот день, когда страх проникнет в его сердце, когда он станет бояться, он начнет стареть. Это очень интересная и разумная мысль. И действительно, человек этот в 63 года — очень любопытный и знаменитый. Он сказал, что он много работает, но и много ест, что он весь в напряжении и что этим он сохраняет свою жизнь.

Я это говорю к тому, чтобы вы поняли, насколько в этом вопросе нет законов, насколько каждый человек по-разному подходит к решению этого вопроса: одному кажется, что работа его сохраняет, другой говорит, что отсутствие страха его сохраняет, а третьему кажется, что отсутствие мяса в его питании его сохраняет и т. д. Нет еди-

ного закона. Но, по-видимому, из тех разговоров, которые я вел, тут имеются всякие варианты. Превалирует, главным образом, работа и условия сопротивления. Вот эти два положения и создают, если не молодость, то во всяком случае сохраняют какую-то способность продолжать свою жизнь. Вот, примерно, на этих положениях я и заканчиваю свое слово.

Я еще раз прошу помнить, что книга писалась не для работников науки, не для работников медицины, а для моих читателей. В том смысле я своих читателей знаю. Я получил за короткое время много писем чрезвычайно любопытных. Это и были мои главные критики. Я понял, какие были ошибки допущены (а они были).

Так что мне чрезвычайно интересно и важно то, что вы скажете. Но в основном я все-таки знаю оценку моей книги.

Вот на этом я и заканчиваю. (Аплодисменты).

ПРОФЕССОР МЕНДЕЛЬСОН [Александр Леонтьевич, доктор медицинских наук]. Своеобразная, интересная, поучительная книжка нашего автора построена очень оригинально.

Она состоит из увертюры с характером занимательной научности, небольшого повествования и обширных примечаний не столько к самой повести, сколько по поводу затронутых в ней тем. Эти комментарии свидетельствуют о большой начитанности автора.

Сначала о самом повествовании «Возвращенная молодость».

По словам автора «правдивая повесть об одном человеке, об удивительной жизни одного человека, который, соперничая с самой природой, возвратил свою молодость», начинается с 17-й главы. Прямо к этой главе автор и рекомендует приступить тем, кто желает сразу, так сказать, получить порцию занимательного чтения.

53-летний обрюзгий, толстобрюхий ученый, выдающийся астроном, но очень недалекий человек, страдает, несомненно, перерождением сердца и артериосклерозом. Он очень мнителен, непрестанно лечится, но без толку и без пользы. В один прекрасный день на него находит внезапное, ничем не мотивированное презрение, он выбрасывает лекарства и неистово принимается за гимнастику, закаливание, быстро крепнет, молодеет, словом, возрождается. Его брюзжание, вспышки гнева против домашних прекращаются, он уже чувствует себя выше и умнее своей взрослой дочери — коммунистки, перед которой раньше пасовал. Мало того, прежний, в общем добродушный и рыхлый субъект замечает в себе «молодость и даже подлость» — все, дескать, для меня, а на остальное наплевать.

За сим наш герой помоложения [так в тексте] и под явным внушением откровенного проходимца Кошкина влюбляется по уши в молоденькую соседку, совершенно глупую, но себенаумешную — Тулю [так в тексте], девицу довольно легкого поведения, грубо бросает жену, дочь и чахоточного сына и переселяется к Туле. В сожительстве с нею неумеренно предается супружеским радостям, невзирая на ясные признаки усилившегося мозгового артериосклероза. Застав однажды молодую жену в объятиях любовника, он падает без сознания вследствие кровоизлияния в мозг. После удара, сопровождающегося параличом половины тела и потерей речи, поджав хвост, возвращается к старой жене, молит ее о прощении и — второй переворот — снова, чувствуя себя молодым, более здоровым и умственно трудоспособным, чем до удара, вообще умнее, понимает, наконец, преимущества коммунизма, стоит за новый мир и новую жизнь, пишет давно задуманную книгу и, по шутливым словам автора, скоро будет гнуть подковы левой рукой.

Не буду останавливаться на «морали басни сей», я не литературный критик. Но как врач и психолог должен отметить, что первый переворот в самопонимании ге-

роя непонятен, а второй переворот — поумнение после мозгового удара — невероятен. Пожар, правда, способствовал украшению Москвы, но кровоизлияние в мозг действует совершенно иначе, оно в исключительных только случаях может пройти без последствий, но способствовать поумнению и омоложению оно не может. Как всякую вещь нашего талантливого автора, массовый читатель прочтет эту повесть с удовольствием, но серьезно он к ней едва ли бы отнесся, если бы не своеобразный прием автора, подводящего, так сказать, научную базу под свое повествование. Вот в чем кроется, говорю прямо, опасность.

Это такое, что ли, научное сочинение, научный труд, изложенный, правда, простым, отчасти бестолковым языком, доступным, в силу знакомых сочетаний, самым разнообразным слоям населения, не имеющим ни научной подготовки, ни смелости или желания узнать, что творится за всей поверхностью жизни.

Автор не совсем, что ли, разбирается в отдельных мелких, разнообразных, и часто ужасно запутанных деталях этой науки, и если автор и имеет намерение говорить о таких вещах своим слабым заплетающимся языком, то отчего не поговорить в доступной форме об интересных вещах, о вещах, которые всем любопытны и всем занимательны.

Из 200 приблизительно страниц книги собственно повествованию о помолодевшем ученом отведено лишь 60 стр., остальные $\frac{2}{3}$ книги посвящены научным или, как говорили 100 лет тому назад, «научнообразным» рассуждениям. Темы этих рассуждений в самом деле чрезвычайно интересны, очень сложны и, как автор говорит, «ужасно запутаны».

В самом деле, введение и комментарии автора не просто затрагивают, а трактуют, иногда очень авторитетно и пространно о таких вещах, как сохранение молодости, умственная продуктивность, долговечность, старость и смерть, психическое здоровье и гениальность, вдохновение, внушение и самовнушение, законы развития нервно-психических болезней, самоубийство и прочее.

Все эти темы составляют предмет и гигиены вообще и, в особенности, моей специальности — нервно-психической гигиены и профилактики.

Отнюдь не желая причинить «обиды и огорчения» уважаемому автору (он почему-то ждал этого от лиц, причастных к медицине), я нимало не пеняю на то, что он, по его собственному юмористическому признанию, забрел мимоходом в чужой огород и сожрал чужую брюкву. Нет, брюква цела, только слегка надгрызена. Давайте погрызем ее еще немного.

О ЗАКОНАХ УМСТВЕННОЙ ПРОДУКТИВНОСТИ. «Усиленная мозговая работа возбуждает и усиливает деятельность всех органов. Заметим, — прибавляет автор, — что чем сильнее нервные раздражения, тем обычно интенсивнее эта внутренняя работа органов. Лишь дыхание и мозговое кровообращение, остальные функции (желудочно-кишечные, половые и другие) подавляются, а не возобновляются».

Впрочем, автор через 2 страницы признает, что усиленная мозговая работа ведет к утомлению: «Утомленный и ослабленный мозг, — говорит он, — не слишком заботится о внутреннем хозяйстве, которым он заведует и которое он регулирует».

Это, по мнению автора, и привело к гибели Маяковского.

Наконец, на странице 136 мы читаем: «Мозг может потреблять энергию, видимо, значительно выше нормы, однако, это происходит, несомненно, за счет других частей организма».

Тут уже прямое противоречие с первым утверждением: усиленная мозговая работа не усиливает, а ослабляет деятельность других органов. Итак, сравнительно умеренная умственная работа и отдых — сравнение автоматическое и грубо механическое.

ВНЕШНОСТЬ И ЛЮБОВЬ. «Человек, который поверит, что он может увлечься только, ну, скажем, женщиной со светлыми волосами, несомненно создал в себе это убеждение путем случайно возникшего представления. Это представление, утвердившись в психике, создало привычку. Влюбленный человек, постоянно думая о любимой женщине, нередко заболевает неврастенией — он худеет, теряет аппетит, делается раздражительным и даже начинает думать о смерти. Такие примеры заболеваний мы во множестве находим в литературе и иногда в жизни. Казалось бы, такое счастливое состояние как влюбленность (иной раз даже взаимная), не должно привести к заболеванию».

Тут же укажу на неправильную оценку автором чувственности туберкулезных больных. Существует распространенное мнение, будто больной туберкулезом обычно отличается повышенным эротизмом. Тут, как полагает автор, причина спутана со следствием, повышенная чувственность, требуя большого расхода энергии, несомненно, нарушает и понижает питание легких и создает благоприятную почву для туберкулеза. Между тем прав не автор, а общераспространенный взгляд.

ДОЛГОВЕЧНОСТЬ, СТАРОСТЬ И СМЕРТЬ. «Нормальная» продолжительность человеческой жизни исчисляется разными учеными и мыслителями разное. Одни — 100 лет, другие — 120 лет, третьи — 85–80, 75 лет, и есть даже серьезные доводы за 70 лет. Великие люди, прежде всего, — люди, и почему им дольше жить, чем другим [?] Автор приводит на страницах 27–28 десятка два выдающихся людей (музыкантов, художников, писателей), не переживших сорокалетнего возраста. И хотя он признает, что многие умерли от чахотки и случайных болезней, тем не менее утверждает, что — «если всмотреться ближе, то никакой случайности не оказывается, все заработано собственными руками, все — последствия каких-то роковых ошибок, которых, как будто бы, можно было избежать».

Во-первых, о ранних смертях. Несомненно, выдающиеся люди жили до 70-ти лет. У меня список свыше 150 человек, возьму хоть русских писателей, которые жили в 99 % до такого возраста.

О ГЕНИАЛЬНОСТИ И ПСИХИЧЕСКОМ ЗДОРОВЬЕ. Вопрос этот чрезвычайно сложен и запутан, и одного взгляда на него не существует. Но если познакомиться с большой литературой по этому вопросу, то получится, что между гениальностью и психической ненормальностью существует, несомненно, какая-то довольно интимная связь. Это уточнил Ломброзо [Чезаре, психиатр], который говорил, что гениальность есть особый род эпилепсии. Все гениальные люди оказывались отягощенными наследственно. У обоих родителей наблюдались нервные заболевания или какие-нибудь отклонения со стороны психики. Можно сказать, что 100 % гениальных людей обладают такой недоброкачественной невропатической наследственностью.

Из биографий, исследованных врачами, из биографий многих ученых, писателей, политических деятелей, которые являются образцами духа, как Гете, Пушкин, мы знаем, что они страдали колебаниями настроений. Этими же колебаниями страдал и Гоголь. Мы знаем, что у Гоголя был характер ненормальный в силу наследственности. Один автор говорил, что он страдал шизофренией, следовательно, рассуждения нашего автора о том, что Гоголь допустил ошибку, и что, если бы он ее не допустил, он бы не умер (он обвиняет и Ницше, и Мопассана, которые умерли от прогрессивного паралича), что отклонения от норм жизни были бы другие, — эти рассуждения по меньшей мере неправильны.

Некоторая психопатичность плюс переутомление работой, плюс обилие личных переживаний, плюс алкоголь и излишества, к которым склонны были многие выдающиеся люди, объясняют в достаточной мере раннее иссякание сил и бросание работы

в молодые годы. Однако, это встречается далеко не так уж часто. И можно в противовес перечню автора, привести еще больший список гениальных людей, создававших крупные художественные и научные ценности в годы зрелые и даже старческие (Гете, Лев Толстой и другие). Особенно много таких продуктивных деятелей насчитывается среди философов, политических деятелей, живописцев, скульпторов, музыкантов.

Однако, великие вещи создаются гениальными людьми, конечно, в периоды сравнительно здоровые, в периоды подъема, и болезненное состояние, как справедливо замечает автор, не повышает качества продукции, а, несомненно, понижает ее.

Раннюю гибель, длительную болезнь или раннюю утрату ценной продуктивности автор объясняет совершением какой-то «роковой ошибки», которую, дескать, можно было избежать. Примеры: Гоголь, Наполеон, Ницше, Мопассан — неубедительны, потому что все они психопаты.

Жить по-другому — значит быть очень уравновешенным, способным перевернуть свою жизнь ради высокой цели: Будда, Кант, отчасти, Гете. Но на это нужен особый душевный склад. Большинство гениальных людей этих данных по своей природе не имели. Но даже и Кант (82 года), умерший от старческого слабоумия, сам виноват, по мнению автора, в печальном своем конце, «он уже себя слишком сделал машиной».

А в другом месте автор рекомендует изучать свой организм и регулировать его, как хороший мастер регулирует свой станок.

О ВНУШЕНИИ И САМОВНУШЕНИИ. Автор очень переоценивает силу внушения, говоря: «Гипнотизер может заставить человека не только заснуть, он может приказывать, т. е. внушить ему сделать любой поступок и может вызвать у него любое болезненное ощущение». На самом деле нельзя судить по цирковым представлениям и даже по лабораторным опытам.

О самовнушении — пример из жизни Пушкина тоже истолкован ошибочно: «А. С. Пушкин легко писал осенью и отличался большой продуктивностью именно в эту часть года. Он сам не раз говорил, что осень для него — творческая пора. Однако, возникновение этой привычки произошло, несомненно, в силу случайности. Видимо, однажды написав удачно осенью и повторив эту удачу, он создал в своей психике именно это убеждение. Такое же убеждение он мог создать также и для другого времени года. Для этого только потребовалась бы другая случайность».

Между тем у Пушкина тут отнюдь не случайность. У него было периодическое колебание самочувствия — подъем самочувствия осенью. Оттого и оптимальное творчество осенью.

О СТРУКТУРЕ ПСИХОЗОВ. Теории развития психозов (неврастения, истерия, навязчивые состояния) автор также посвящает свое широкое внимание, не употребляя, однако, этих терминов.

Болезням органическим (177–178 страницы) он противопоставляет — держусь его терминологии — «самые невероятные болезни, вызванные психическим расстройством и неправильностью работы нервных центров».

Очевидно, тут имеются в виду функциональные болезни. Он их почему-то через несколько строк называет «первоначальными», способными в дальнейшем создать «длительные болезни и подчас органические повреждения».

С одной стороны, это очень серьезные заболевания, раз они, по автору, способны вызвать «органические повреждения».

Но с другой стороны, это, по его мнению, какие-то ненастоящие, неподлинные болезни, так как (опять привожу подлинные слова автора) «страдания от них не меньше, а, может быть, даже больше, чем страдания от подлинных болезней».

Эти вот «невероятные болезни, вызванные психическим расстройством», они же «первоначальные заболевания», они же «неподлинные болезни» возникают, по ав-

тору, (та же 178 стр. ниже) «от ложной неправильной работы психики и часто случаются с людьми нездоровыми, с ослабленной психикой, и неврастениками».

Другими словами, люди с неправильно работающим мозгом (стало быть — ненормальные) из-за этой самой ненормальной психической работы заболевают еще какими-то сверхболезнями, невероятными и неподлинными, однако, причиняющими подлинные страдания. Разобраться в этой очень запутанной автором психопатологии и психиатрии нет никакой возможности.

Никоим образом нельзя согласиться с автором, полагающим (на стр. 8), что его научный труд, изложенный «простым, отчасти, бестолковым, бытовым языком» доступен «в силу знакомых сочетаний, самым разнообразным слоям населения, не имеющим научной подготовки». Тут же заявляется, что излечение от этих самых невероятных болезней почти всегда связано со случайностью и чудом, а именно: чья-то воля (например, воля знахарей, бабок, «святых» старцев) способна заставить неправильную, ложную работу психики изменить направление. (Очевидно, автор здесь имеет в виду истерию. Но разве это не подлинная болезнь, способная вызвать даже органические повреждения).

НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКАЯ ГИГИЕНА. Большая заслуга автора в том, что он выступил борцом за охрану нервно-психического здоровья, что он подчеркнул неумение даже выдающихся людей распоряжаться своим психическим хозяйством.

Он говорит: «В сущности, до сего времени нет каких-то элементарных правил, элементарных законов, по которым надлежит понимать себя и руководить собой не только в области своего труда и своей профессии, но и в повседневной жизни. Тут требуется какое-то практическое искусство понимать работу своего тела».

Не только работу своего тела надо понимать, но надо усвоить ряд простых истин (о гигиене отдыха, сна, об алкоголе, излишествах вообще и прочем) и усвоив эти истины, руководиться ими в жизни.

На странице 150 автор, цитируя Ленина, очень верно подчеркивает великое значение разумного отдыха, отвлечения ума от будничных впечатлений, переключения внимания и интересов.

Какая темнота царит в головах обывателя в этой области трудно себе представить.

Я в течение 10-ти лет состою консультантом общедоступного гигиенического журнала. Ко мне поступают письма читателей, содержащие запросы о гигиене умственного труда, укреплении памяти, воли и вообще [о] недочетах характера, о неумении избрать себе профессию, приспособиться к жизни, о разных недостатках, неудачах и отклонениях в половой жизни.

ВУЗовцы, рабочие и работницы, сельские учителя и счетоводы, техники, земледельцы, железнодорожники обращались со своими недоумениями в редакцию и мне пришлось за эти годы написать более 5 000 ответных писем, и напечатать полтора десятка пояснительных брошюр на наиболее наболевшие темы.

И если я решился выступить здесь сегодня и отнять у вас драгоценное время, то, главным образом, ради малых сих, которые набросятся на вашу книжку и, воспользовавшись многими очень ценными высказываниями, например, о внимании к своему телу и организму, о физкультуре и отдыхе, о неврастении, попадут на те же тупики, на часть которых я сегодня указал.

И хуже всего, если они примут всерьез и возьмут как образец для подражания вашего толстопузого чудака, рискованным образом возвратившего свою молодость, при том в такой степени, что даже кондрашка пошла ему на пользу.

Заканчиваю свое слишком длинное выступление вашими же словами: «Идеалистические понятия, которые иной раз имеет литература в представлении о человеке

и о его психике, и о его поведении, идут нередко вразрез с понятиями, которые имеет наука. Возвышенную скорбь, почтенную хандру, прелестную грусть, очаровательное уныние, гордое презрение к людям, благородное самоубийство и раннюю поэтическую смерть наука, увы, рассматривает несколько иначе, чем литература. Наука и знание всего этого писателю столь же необходимо, как необходимо художнику знание анатомии. Конечно, художник может рисовать и без знания анатомии, можно рисовать, как рисовали пещерные жители, — профиль с двумя глазами. И это, кстати сказать, нередко можно наблюдать в литературе».

Я от души желаю вам Михаил Михайлович исполнения вашего желания сохранить до ста лет вашу юность, молодость и прибавлю от себя ваш блестящий талант. (Шумные, продолжительные аплодисменты).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Прежде чем предоставить слово второму оратору, разрешите объявить регламент — просьба говорить не больше 10 минут первый раз и не больше 5 минут во второй раз. Слово предоставляется доктору Ревич.

РЕВИЧ. Меня просили прочесть мои отзывы.

Повесть Зощенко «Возвращенная молодость» и комментарии надо рассматривать, как два совершенно самостоятельных произведения, не имеющих ничего общего между собой. Повесть является сатирой и как таковая себя оправдывает.

Что касается комментариев, то из многочисленных, весьма интересных, ценных и часто, с точки зрения медицины, научно-обоснованных примеров и наблюдений явствует, что речь идет не о возвращении молодости, а о преждевременном увядании, смерти или наоборот — о продолжительности жизни, что зависит от целого ряда факторов, связанных с социальными, бытовыми и другими условиями жизни отдельных личностей и масс, а также от поведения этих лиц, от целесообразной и правильной затраты умственной, нервной и физической энергии, от режима и профилактики затрат этой энергии, что в свою очередь зависит от внешних факторов (социально-бытовых условий, поведения личности и прочего). На многочисленных примерах автор это доказал.

Если взять для примера жизнь и творчество Льва Николаевича Толстого, то мы видим, что он провел прекрасное детство, бурную молодость и очень правильную, размеренную старость, что дало ему возможность прожить до глубокой старости, и только отъезд из Ясной Поляны оборвал его жизнь.

Советская власть и советская медицина стремятся создать именно такие условия жизни (профилактика, изучение социально-бытовых условий, изучение больного, а не только его болезней), которые могут сохранить молодость, бодрость духа и трудоспособность организма. Вот почему книжка Зощенко «Возвращенная молодость» читается с большим интересом и является своевременной в нашу эпоху, когда идет великая стройка социализма.

Доктор СОКОЛОВ. Нет надобности говорить о том, что книга Зощенко является крайне актуальной книгой. Уже одно то, что за последний месяц прошло несколько диспутов и то колоссальное собрание, которое мы здесь видим, это подтверждает.

Это очень хорошо, что она действенна, и товарищ Зощенко выполнил своей книгой лозунг первого русского марксиста Чернышевского. Чернышевский писал, обращаясь к писателям: ... (читает)... — «Говорите о жизни и только о жизни, отражайте действительность и, если люди не живут по-человечески, учитесь жить, — рисуйте им картины жизни хороших людей и благоустроенные общества».

Конечно, эта формула несколько устарела и потеряла свою свежесть. Наша жизнь в СССР на основании марксизма-ленинизма эту формулу уточнила и углубила, но в основе эту формулу товарищ Зощенко блестяще оправдал.

Второе достоинство книги Зощенко, с моей точки зрения, это такое, что, несмотря на окружающую действительность (у нас ведь существует в литературе, да даже и в науке, идеалистический уклон), Зощенко этот уклон подавляет. И в этом отношении он даже подтвердил и исполнил завет великого русского критика — Белинского. Белинский в 1846 г. писал: «Вы, конечно, очень цените в человеке чувства. — Прекрасно. Так цените же и этот кусок мяса, который трепещет в его груди и который вы называете сердцем. Вы, конечно, очень уважаете в человеке ум. — Прекрасно. Так останавливайтесь в благоговении перед этой массой мозга, где происходят все умственные отправления..., иначе вы будете удивляться в человеке следствию мимо причины, или же, еще хуже, сочините свои собственные причины и удовлетворитесь ими». («Взгляды на русскую литературу» 1846 г. Соч. Белинского т. III, издание 2-е, 1913 г., стр. 763—764).

И эта формула тоже устарела. Она еще отдает вульгарным реализмом, но по существу она верна и в наш период.

Зощенко поставил вопрос так — как нам справляться, нам — не только врачам, но всему советскому строю, с теми печальными явлениями, которые ведут к переутомлению и преждевременной старости. Казалось бы, что в нашей советской действительности этому переутомлению нет места. Мы работаем не на хозяина, а для самих себя, для своего государства и в нашей советской стране все возможности имеются к быстрому и лучшему восстановлению утраченных сил. Но оказывается, что на практике не всегда это так. И что же этому виной. Как говорил профессор Мендельсон, мы неплохо знаем гигиену. Но есть причина другая, мы мало обращаем внимание той же самой советской общественности на труд своих сочленов. На одного работника наваливается 5—6 нагрузок, в то время как другой работник не имеет никакой нагрузки, а работник попался хороший, вывезет. Это — ненормальность.

Второе — наши санатории и курорты частенько бывают заполнены опасно-здоровыми людьми. (Смех). Часто это происходит от того, что тот или иной завод получив 20—50 путевок для ударников в Кисловодск не находит нуждающихся в лечении в Кисловодске. Оказывается, что его ударники нуждаются в лечении не в Кисловодске, а в Архангельске. И вот происходит такая мешанина, неувязка. Но мы их с каждым днем все быстрее изживаем.

Но есть еще другая неувязка: для того, чтобы врачебные организации, я беру три степени организации — врача, сестры и младший персонал, могли правильно разобратся в нервном состоянии, нужно обращать на них много внимания, т. е. на больных, но организация нашей работы, расстановка сил неправильна. Врачи на местах, будь то врач профилактик, нагружены совершенно неподходящей работой, какой-то писаниной и у него мало времени остается на то, чтобы обратить внимание, чтобы при изучении нервного больного, он мог правильно разобратся в нем, а не отделаться каким-нибудь назначением и пилюлями и, как справедливо пишет Зощенко, «никто ему не рассказывал простыми понятными словами, как возникла его болезнь и как с ней бороться помимо пилюль».

Совершенно справедливо, что зачастую наши медицинские мероприятия только углубляют болезнь, а больной тем самым убеждается в болезни. В моей хирургической практике были такие случаи, что пришлось видеть целый ряд больных, у которых получалось такое убеждение в болезни, что люди имели до 7 операций и больной не был излечен, но мы, не производя 8-ю или 9-ю операцию, дали ему работу и тем самым возвратили в трудовую обстановку. Мы очень много на это обращаем внимания.

Еще есть причина того, что мы не можем прийти своевременно на помощь — это то, что масса врачей различных категорий имеет еще совершенно неправильную установку в отношении больных, они продолжают еще смотреть на больного, как на чисто

биологическую величину, между тем, надо помнить, что человек не есть биологическая величина, а социологическая. Отсюда все качества его.

Затем приходится еще отметить следующее печальное обстоятельство: к сожалению, наши профсоюзы в этом отношении не идут на помощь врачевным организациям, в смысле выявления таких переутомленных, издерганных людей. Как там мало знают, что представляет тот или иной работник, каковы домашние бытовые условия, и поэтому не могут послать в хорошую врачевную обстановку, чтобы изменить условия, а что это возможно, я приведу такой пример.

В одной больнице в акушерском отделении находится молодая девушка 17–18 лет после родов (она родила мертвого и кинула его в сугроб). Непосредственное руководство данного акушерского отделения учинило за этой девушкой чуть ли не караул. Но в данном случае общественность оказалась на высоте. Когда руководство узнало об этом, (было прислано милицейское распоряжение о том, чтобы девушку доставить после того, как она оправится), оно вызвало, в первую очередь, на консультацию психоневрологов и вместе с месткомом разрушила эту настороженность некоторых представителей администрации этого отделения. Девушка впала в явную ипохондрию. Жен-организация завода, где работала девушка, приняла живое участие в этом случае. И чего же добились они? Выяснилось, что девушка эта жила у богобоязненных родителей. После этого снеслись с прокурором. Все было сделано хорошо и молодая была сохранена. Ипохондрия прошла, она была вовлечена в производственную и общественную работу. Вот что может сделать союз, когда он правильно работает. (Аплодисменты).

ВАСИЛЕВСКАЯ. Товарищи медики, надо прямо сказать, что ни нам, ни нашей медицине у писателей не везет. Мы не пользовались вниманием и не могли попасть в сферу их взгляда.

Если мы присмотримся к советской литературе, то увидим, что писатель отправляется и много времени проводит на стройке, на гидроцентралах [так в тексте] и на работах лесных богатств и т. п., и, таким образом, заражает пафосом строительства читателя.

Мы должны быть очень благодарны товарищу Зощенко, что он восполнил этот пробел и обратил внимание читателя если не на медработника, то на медицинскую тему. Это уже заслуживает с нашей стороны очень большую благодарность. Нам бы только хотелось, чтобы на медицинской теме было сосредоточено такое же внимание, как и на других темах, чтобы писатели работали над нашей темой так же, как Мариэтта Шагинян работает над своими темами. Вот политотделы всего только один год живут, а уже имеются произведения в художественной литературе, которые изображают жизнь начальника политотдела. Наши же больницы и медработники существуют не один год. Наша советская медицина дала немало красивых страниц в общем социалистическом строительстве. Мы знаем героические фигуры среди наших медицинских работников. Мы знаем беспримерный героизм медицинских работников, проявляемый ими на окраинах Советского Союза, в глуши, в степи и т. д. Мы знаем огнедышащую фигуру недавно погибшего Ивашенцова [Глеб Александрович Ивашенцов, профессор, с 1922 года главный врач Инфекционной больницы имени С. П. Боткина. Погиб при наезде автомобиля на Невском проспекте в декабре 1933 года].

Мы можем назвать очень много других незаметных героев в нашей профессии, но не повезло нам до сих пор и мне думается, что, может быть, по почину товарища Зощенко о нас заговорят. Может быть, мы могли бы петицию написать в Оргкомитет Союза писателей, чтобы не только в политотдел, но и в наши маленькие, заброшенные на границе, периферические больницы совершить экскурсии, чтобы туда устремились писатели и дали бы отображение волнующей нас темы, нужной и необходимой для строительства социализма.

Зоженко в своей книге говорит по поводу возвращения молодости. Этот вопрос нас интересует, но мы не копаемся особенно в этих вопросах, потому что тут есть какое-то слабнячество, в этом есть нечто дряблкое. У нас имеются старики, которые могут заткнуть за пояс кого угодно из молодых. Перед глазами стоит имя одного старика, я не буду его обижать, может быть он не такой глубокий старик, который вписал героические страницы — это Шмидт [Отто Юльевич]. Ему не нужно никакое возвращение молодости. Всей группе челюскинцев не нужно возвращать молодость, они молоды и так, и они таковыми и останутся, и героика строительства умеет молодить людей без того, что бы им пришлось возвращать молодость.

Я помню одну книгу, которая была посвящена вопросу медицины, это книга Шилина [Георгия Ивановича]. Книга Зоженко является второй книгой, затрагивающей эту тему.

Зоженко говорит, что он видит своих читателей, может быть, это так, но мне думается только, что для широкой публики эти комментарии, если их рассматривать, как некий санпросвет, они несколько трудны, недостаточно популярны, и представляют собою собрание отдельных медицинских сведений, медико-биологических отрывочных сведений.

Мы, конечно, не считаем, что о нашей науке могут говорить члены нашей касты, мы порвали с кастовой психологией жрецов науки и мы отнюдь не думаем, что говорить и писать о нашей медицине могут только наши врачи. Наоборот, нужно, чтобы об этом, как можно больше заговорили члены Союза писателей. И тогда будет оправдано то, что написано на пригласительном билете: «Мне попросту хотелось быть полезным в той борьбе, которую ведет наша страна за социализм», и если Зоженко и другим писателям хочется быть полезным в этой борьбе, то нужно заразить молодняк героикой медицинского дела так, как они заражают героикой инженерно-технической и всякой другой, и тогда мы бы построили социализм легче, потому что у нас не было бы прорыва в смысле недобора в медицинские ВУЗы. Если бы у нас были книги, где бы обрисовывались выдающиеся люди советской медицины, то молодежь такими же толпами шла бы в медицинские ВУЗы, как и в технические ВУЗы.

И еще один вопрос — просьба к писателям внимательно присмотреться к нашим медицинским работникам. Шесть диспутов — это не мало, но может быть это принесет непосредственный вред здоровью автора, но каким-нибудь путем Союз советских писателей должен отобразить медработника, дающего свой труд на службу социалистического строительства. (Аплодисменты).

СПЕНДЛЕР. Повесть «Возвращенная молодость» представляет прекрасную иллюстрацию к тому, о чем говорит товарищ Зоженко в своих комментариях. Иллюстрация эта ясно показывает, как должен вести себя неврастеник, если у него сердце, легкие и вообще все внутренние органы здоровы, так как едва ли профессор Волосатов мог прыгать через скамейки с больным сердцем или больными легкими. Я думаю, что он был болен только неврастенией, но не старостью, т. к. с последней нельзя безнаказанно проделывать то, что позволял себе Волосатов, и вся повесть наглядно показывает, как следует бороться с неврастенией. Для старости этот способ был бы слишком сильным средством и, пожалуй, мог бы привести у некоторых к катастрофе.

Товарищ Зоженко совершенно прав, что старикам не следует заключаться в свою скорлупу, думать только о себе и не давать правильной работы своим высшим центрам, последние у стариков, при отсутствии работы, быстро атрофируются. Что касается до физкультуры, которой занимался Волосатов, то к ней старикам надо приступать с большой осторожностью, сообразуясь с физическим состоянием. Например, если бы я стал прыгать через скамейки, как козел, — то, вероятно, скоро прыгнул бы туда, откуда нет возврата (стр. 1).

На диспуте с ленинградскими учеными (я сужу по отчету, напечатанному в «Литературной газете» 26/III 1934 г. № 37) по поводу «Возвращенной молодости» почти все оппоненты говорили об омолаживании, а не о неврастении. Герою повести нужно было не омолаживание, а лечение неврастении, т.к. он был крепкий пожилой человек. Все ощущения его, а также наружные признаки увядания, расслабления мышц зависели от торможения высших нервных центров, вследствие неврастении. Профессор Купалов [Петр Степанович] говорил, что товарищ Зощенко обошел «такой важный момент, как деятельность внутренней секреции», но влюбленность Волосатова как раз и указывает на то, что с восстановлением его здоровья внутренняя секреция вполне восстановилась, уже, по крайней мере, половая внутренняя секреция — наверняка. Внутренняя секреция всецело находится под влиянием деятельности нервных центров и мне думается, что Зощенко и не было надобности останавливаться на явлениях подобного рода, ведь он писал повесть, а не научный трактат. Я раньше уже отметил, что Зощенко относится в своем произведении не отрицательно к медицине и врачам, он только указывает в своих комментариях, что неврастения и старость лекарствами не излечиваются, и очень сочувственно отнесся к тому врачу, который излечился от своей неврастении несчастным случаем, — он потерял обе ноги вследствие отмораживания, поэтому, мне кажется сомнительным тот вывод, который сделал из повести профессор Лаврентьев, что будто бы читатель по своему истолкует произведение Зощенко и бросит ходить к врачам. Я полагаю, что такой вывод читатель не сделает, так как автор нигде не говорит о бессилии медицины, он указывает только, как я уже говорил, что неврастению и старость микстурами не вылечить и только. Совершенно правильно указал К. А. Федин, что всегда существует опасность, что больные побегут к знахарям, а не к врачам, несмотря ни на какие повести и комментарии, как это мы видим в фашистской Германии.

Академик Н. С. Державин среди других возражений ставит в вину автору, что он утверждает примат чистой физиологии в поведении субъекта, забывая, что каждый субъект — член социального коллектива. Академик Н. С. Державин, как историк литературы, может быть и не согласится с тем, что все поведение каждого субъекта состоит из всевозможных разнообразных условных и безусловных рефлексов, почему и влияние среды может действовать только через эти же рефлексы, т. е. опять является примат физиологии. Подобная точка зрения, проводимая академиком И. П. Павловым и другими физиологами, и некоторыми психологами, конечно, до сих пор еще неохотно принимается историками. Академик Н. С. Державин совершенно справедливо говорит, что на каждого субъекта влияет окружающий его социальный коллектив, но ведь он влияет на субъекта физиологически, устанавливая у него те или иные социальные условные рефлексы.

Что касается до стиля и языка повести «Возвращенная молодость», то, конечно, это дело вкуса, и я совершенно согласен с академиком А. Ф. Иоффе, что мы, как читатели, имеем полное право сказать: «Повесть хороша, она, нам нравится».

Пожалуй, можно упрекнуть Зощенко, что иногда он любит употреблять крепкие слова, например, на стр. 16-ой он говорит: «Нет, конечно, автор не имеет намерения сейчас сказать, вот мои старцы померли со своим секретом, а вот молодец и сукин сын открыл этот секрет и сию минуту осчастливит человечество своим нетерпимым открытием».

Можно возразить, что, то или иное, так называемое, бранное слово имеет, часто относительное значение, например, я бы нисколько не обиделся бы, если бы кто-нибудь назвал меня «сукиным сыном», так как собаки имеют много таких достойных похвалы условных рефлексов, которые не часто встречаются у двуногого животного, именуемого человеком.

Вот относительно выдуманных новых слов, иногда вводимых в литературу нашими молодыми писателями, то я полагаю, что все согласится с Максимом Горьким, что в этом нет никакой надобности, так как русский язык и литературный, и народный достаточно богат в этом отношении, и придумывать новые слова и выражения — это значит засаривать его. Зощенко, кажется, упрекнуть в этом нельзя, однако, мне встретилось в двух или трех местах выражение «фигулярить», насколько я знаю, такого глагола в русском языке нет.

Какое же заключение можно сделать из всего вышесказанного. Мне напрашиваются следующие выводы. Первое. Произведение М. Зощенко «Возвращенная молодость» представляет в высшей степени оригинальное произведение, им впервые затронуты в литературе такие вопросы, которые до этого принято было в ней представлять в совершенно другой плоскости. Второе. Произведение это трактует о том, как излечить себя от современного, весьма распространенного недуга — неврастении. Третье. Неврастеники в разгар своей болезни часто являются негодными членами как семьи, так и социалистического коллектива. Четвертое. С выздоровлением, т. е. с восстановлением физических сил у них возникают новые взгляды на жизнь и тем [они] могут сделаться деятельными участниками в построении новой жизни, т. е. участвовать в создании социалистического бесклассового государства.

Если вокруг какого-нибудь литературного или научного произведения поднимаются споры, шум, то это явный признак того, что произведение это затронуло такие животрепещущие вопросы и темы, которые всех интересуют. К таким произведениям относится и «Возвращенная молодость» Михаила Зощенко. Какие же интересные темы он затронул в своем произведении? Я полагаю, что в нем затронуты три вопроса, разрешению которых и посвящено все сочинение. Вопросы эти следующие: 1) Что делать, чтобы быть здоровым человеком? 2) Как предотвратить старость, а если она наступает, то как с ней бороться и 3) Как бороться с неврастением?

«Возвращенная молодость» в высшей степени оригинальное произведение, так как автор сочетал физиологию, патологию и психотерапию с литературой. Рассуждения о медицине и врачах, конечно, можно встретить у многих авторов, но у них был совсем иной подход, я бы сказал, чисто барский или буржуазный, например, Лев Толстой, хотя и гениальный писатель, но в тех своих произведениях, где он касался медицины и врачей, он, выказывая презрение к наукам, ученым и врачам, написал много неверного, иногда даже вздорного. Зощенко совершенно иначе подходит к этим вопросам, он, в противоположность Толстому, в науку верит и дружелюбно относится к врачам. Вопросы о здоровье сильно занимают его, он старается уяснить себе, почему иногда совершенно здоровый человек вдруг начинает чувствовать себя расстроенным, утомленным, — он хандрит, часто теряет вкус к жизни и, несмотря на то, что у него нет никакого физического заболевания, он чувствует себя больным человеком. Зощенко совершенно правильно относит такие явления к заболеваниям центральной нервной системы и, в частности, к переутомлению головного мозга. Это неврастения и лечению ее уделено много места, как в повести, так, в особенности, в комментариях.

Работу наших нервных центров Зощенко представляет себе, как работу механизма с переключением энергии с одних органов на другие. Несмотря на то, что такое представление о работе нервных центров можно назвать механистическим, все-таки его можно согласовать с тем, что установлено теперь в этом отношении академиком Иваном Петровичем Павловым и его учениками, а именно: ими доказано, что работа центральной нервной системы состоит из процессов раздражения, торможения, иррадиации и концентрации, их индукции и расторможения. Эти процессы необходимы для установки всевозможных сочетаний условных и безусловных рефлексов, из которых

и состоит все поведение человека. То, что Зощенко называет энергией, это на языке физиологии называется раздражением; отсутствие же энергии в нервных центрах — это их торможение. Правильная работа нервных центров дает здоровье; истощение нервных центров, перебои в их работе дают болезнь. Следовательно, чтобы быть здоровым, необходимо заботиться о своем теле, следить за тем, чтобы правильно работали все наши органы, главным образом, нервная система.

Неправильная работа нервных центров чаще всего вызывает неврастению, которую прежние клиницисты определяли, как раздражительную слабость нервных центров. Неврастением часто заболевают и старики. Зощенко полагает, что бороться со старостью и лечить неврастению нужно одними и теми же средствами. Лекарства могут временно помогать, но не излечить. Какие же средства предлагает автор для борьбы со старостью и неврастением? Прежде всего не думать о том, что ты стар и неврастеник, т. е. применять самовнушение, психотерапию, и вести себя сообразно этому, например, старик должен вести себя, как молодой, а неврастеник, как здоровый человек.

Как доказательство этому, Зощенко представил нам своего героя в повести «Возвращенная молодость» некоего профессора астрономии Василия Петровича Волосатова, 53 лет от роду, по прозвищу его жены «Василечек». В молодости это был самоуверенный цветущий, молодой человек, а вот как рисует его автор, когда он постарел и почувствовал себя больным: «...он был старый, больной и утомленный. Grimаса неудовольствия как бы застыла на его лице. Глаза стали пустые, равнодушные. Щеки висели складками. Шея покрылась морщинами. Седые усы поникли книзу. Кожа потеряла блеск жизни. И он ходил медленно, вяло передвигая ноги, выпятив живот и распутив губы, как это делают беременные женщины» (стр. 36). Из дальнейшего описания его жизни видно, что он заболел неврастением: «Он расстраивал сердце по малейшим пустякам, он волновался, если где-нибудь плакал ребенок... Он тревожился, если его дочь Лида опаздывала со службы», (стр. 38). В спорах с ней он вел себя, как настоящий неврастеник: «...припертый к стенке, — говорит Зощенко, — ясностью и элементарностью вопросов (ее), терялся, защищаясь криками, упреками и слезами», (стр.49). Это подлинный неврастенический припадок.

А вот вам картина неврастенического припадка, вызванного экспериментально у собаки, как это описывает академик Иван Петрович Павлов в своем докладе «Пример экспериментально произведенного невроза и его излечение на слабом типе нервной системы». Доклад этот был сделан на VI Скандинавском неврологическом конгрессе в Копенгагене 25 августа 1932 года. Неврастенические припадки были вызваны у собаки слабого типа, т. е., с неустойчивой, слабой центральной нервной системой тем, что удлинители время торможения условных рефлексов и этого было достаточно, чтобы вызвать у собаки сильный невроз. «Собака (прибавим, — до этого опыта достаточно спокойная) во время опыта была то чрезвычайно возбуждена, иногда с сильной одышкой, в высшей степени беспокойна, то глубоко засыпала до храпа, то представляла высшую степень раздражительной слабости, резко реагируя на самое незначительное колебание обстановки... Собака была нетерпелива и безудержна». Поведение ее вообще было странное. «Служители говорили, что собака стала какой-то сумасшедшей» (стр. 30). У собаки неврастения была вызвана экспериментально несогласованием раздражения с привычным торможением, а у профессора Волосатова неврастению вызвали революция и социальное переустройство. В том и другом случае причиной невроза было расстройство и несогласование привычных условных рефлексов с их торможением.

Как я уже раньше указал, Зощенко предлагает бороться со старостью и неврастением тем, что, во-первых, дать отдых нервным центрам, если они переутомлены непо-

сильной работой, во-вторых, отвлечься мыслями от своей болезни, т. е. заняться самовнушением и в-третьих, вести себя старику, как будто он молодой, а неврастенику, как будто он здоровый.

Совершенно верно, и с точки зрения современной физиологии он предлагает затормозить одни нервные центры, вызывая возбуждение в других. Лекарство, главным образом бром, как предлагает академик Павлов для лечения неврастения у собак, может быть только вспомогательным средством. Волосатову не помогли эти обычные лекарственные способы лечения, тогда он решил лечить себя иначе. Он заметил, что после горячих споров с своей дочерью Лидой он на другой день чувствовал себя добрее, свежее и он «решил изменить свою жизнь, свой порядок дня и все свои привычки», (стр. 63). «Он, прежде всего, старался не волноваться, не расстраиваться и обращать больше внимания на свое тело, закалывать его. Постепенно он начал вести себя, как молодой человек. У себя дома в комнате он ходил преимущественно голый или в легких трусиках, а на улицу, несмотря на прохладный сезон, выходил в сетке, в летних штанах и в туфлях на босую ногу. Бегал по саду туда и сюда, перепрыгивая как козел, через клумбы и скамейки», (стр. 67). Такой режим быстро излечил его настолько, что он влюбился и женился на пустой глупой девчонке, как какой-нибудь юноша 30-ти лет. Конечно эта влюбленность для него окончилась катастрофой, так как однажды он застал свою жену в объятиях молодого инженера и с ним сделался удар. По выздоровлении он разошелся со своей второй молодой женой и вернулся к первой, но неврастения его не возвратилась, и он продолжал режим молодого человека. Отношение его к существующему строю и политические убеждения его также изменились. До своего выздоровления от неврастения это был интеллигентный мелкий буржуа с легким налетом социализма, недружелюбно относящийся к коммунизму. Выздоровев, он уже не спорил с дочерью и скоро записался в бригаду ударников.

Следует отметить некоторое сгущение красок при описании болезненного состояния Волосатого, так как он, представляя совершенную развалину, имел все признаки далеко зашедшей старости, и этот старик вдруг преобразуется в молодого человека, прыгает как козел, голый бегаёт по комнате и т. п. Если бы он был действительно дряхлый старик, то после удара он впал бы еще в большую дряхлость, как это обыкновенно бывает со стариками, а, между тем, он, после тяжелой болезни, сохранил бодрость, молодость и жизнерадостность.

ПРУСАКОВА [возможно Любовь Григорьевна, преподаватель марксизма-ленинизма]. Товарищи, я не имею чести быть ни литературным критиком, ни медиком. Я выступаю здесь как рядовой читатель — читатель-общественник. Я думаю, что для такого рядового читателя, как я, и предназначалась эта книжка.

Все, что здесь услышано мною за последние полчаса, заставляет меня думать, что, по-видимому, мое мнение расходится с мнением товарищей-специалистов, которые здесь выступали. Тем не менее я рискую выразить обратное мнение и навлечь этим, может быть, ваше недовольство. Но я считаю своим правом, правом рядового читателя это мнение высказать.

Начну с ряда положений, которые, по-моему, прямо бросаются в глаза.

Первое положение: Зошенко говорит — «случайной смерти не бывает». Все, кто следил за философской дискуссией «На два фронта» с механистами, знают, что категории «необходимость» и «случайность» вовсе не такие невинные штуки, чтобы по ним можно было безбоязненно пройтись, прогуляться, а именно «прогуляться» можно назвать то, что проделал товарищ Зошенко, не знаю сознательно или бессознательно.

Он ссылается на Канта и говорит, что от воли человека зависит продолжительность жизни. Если эту мысль довести до последовательного конца, то надо вменить в вину

всем великим людям, что они не вовремя ушли. Я думаю, что такой постановки вопроса быть не может. Смерть отдельного человека есть, конечно, случайность, но она есть форма проявления законов общественной необходимости, потому что только условия общественного существования определяют среднюю продолжительность жизни человека.

Товарищ автор приводит такой пример: «Смерть Пушкина — это, собственно, замаскированное самоубийство. Смерть Маяковского это, — говорит он, — смерть того же рода преждевременной смерти, смерти от моральной перегрузки, которая характерна для нашей эпохи». Метгерних, австрийский министр, которого трудно заподозрить в пристрастии к марксизму, пишет в мемуарах: «самая... (читает) ...конца». И дальше он говорит так: «Моя жизнь совпала с ужасной эпохой, я родился или слишком рано, или слишком поздно... (читает)... строения».

Разумный политик буржуазии в 20-х годах прошлого столетия понимал, что его жизнь лишена идеологического стержня, потому что он подпирает загнивающее здание. Что касается Маяковского, то Зощенко говорит, что политические противоречия не раздирали поэта. Мы не обидим памяти Маяковского, если скажем, что это не так. Достаточно сослаться на фигуру Валерия Брюсова, который писал: «бесследно все... (читает)...».

[Бесследно все сгибнет, быть может,
Что ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.]

Он предлагал занять позиции новому нашествию, этим варварам, которые оздорвят мир, так вот, если это мог писать Брюсов, то нужно сказать, что революции не понял Маяковский. Маяковский чувством был на стороне пролетариата, но как идеолог был далек от нас, его раздирали внутренние противоречия, — это был Чацкий нашей эпохи, а личная трагедия послужила поводом для того, чтобы он решился покончить с собой. Поэтому примеры, которые приводит Зощенко, они мало убедительны, они не снимают марксистских тезисов о том, что общественные условия есть необходимость, обуславливающая среднюю продолжительность жизни, но форма проявления этого закона совершенно индивидуальна.

Как различает Зощенко больного человека, нервного от здорового? Он проводит такую линию — больной мозг отличается специфической особенностью, задерживающей воспоминания. На это следует возразить — где вы видели здоровый мозг, который бы действовал и в своей деятельности не опирался на ассоциативные центры, где вы видели... Где вы видели науку, которая не формировалась бы вокруг закона преемственности идей? Это говорят марксисты — люди, выпирающие на первый план закон социально-экономической необходимости людей. Но если мы не вульгарные материалисты, мы должны признать, что внутри идеологии действует закон преемственности идей. Отсюда я думаю, что определять болезнь таким образом, что больной мозг — это мозг, который задерживает воспоминания, — нельзя, потому что вопрос не в том, (без воспоминаний нет человеческой мозговой деятельности), задерживаются ли воспоминания, а вопрос в том, какие воспоминания, — которые перекрывают действительность, или воспоминания, которые ориентируют в человеческой действительности. Вот в чем вопрос. А у него это не поставлено. И получается, что здоровый человек фиксирует внимание на вопросе, который имеется в данный период времени. При этом приводится пример с обезьяной. И какое отношение этот пример име-

ет к марксизму? Да и самая параллель, самое сравнение между человеком и обезьяной, разве это выдерживает критику. С точки зрения марксизма — это издевка. И тут выступают люди и хвалят, что он поднял проблему современности, что он, подобно Шагинян, поднял новый участок, на котором должны работать представители пера, и который должен найти отображение в творчестве. Это убийственное самоуничтожение. Я, товарищи, думаю, что если больной мозг — это задержка воспоминаний, то пусть автор ответит, как понять одержимость гениальных людей, употребляя народный термин, т. е. выражение какой-то определенной идеи и сосредоточение всех сил вокруг этой идеи. И в этом смысле и Ленин, и Маркс, и Леонардо-да-Винчи с его стремлениями к полету, и Пастер, и ряд других мировых гениев — были одержимыми людьми и, с точки зрения Зошенко, они не выдерживают критики, — они одержимые люди.

Я не медик, но я сошлюсь на авторитет такого деятеля, как Галушкин [возможно Ганнушкин Петр Борисович, психиатр, профессор Московского университета], который установил проблему внушения или самовнушения, выражаясь вульгарно. Я избегаю гипноза, потому что это — ставка на чужое малодушие. На гипноз идут люди, потерявшие веру в себя, из малодушия, преувеличивая силы другого человека. Что касается психиатрии, как науки, — говорит он, — то нас интересует не метод гипноза, а метод культивирования самовнушения. Каждый человек, умеющий собою управлять, знает цену этому искусству самовнушения. Если это так, товарищи, то как понять утверждение автора, что «самовнушение действует, — я цитирую его слова, — за пределами, за порогом сознания».

Попробуйте действовать, исходя из того, что самовнушение действует за порогом сознания, — к кому вы будете апеллировать и что такое за порогом сознания? Это безличность, но тогда кого же вы лечите? И причем здесь психиатрия?

Дальше, он гениальность связывает с самовнушением, творчество связывает с бессознательным, значит, если хотите проанализировать процесс творчества, то обращайтесь к сфере подсознательной! Так говорит Зошенко, а я думаю, что творчество начинается там, где начинается сознательная, логическая деятельность, и позвольте сказать, что пример, который он сам приводит в подтверждение своей установки, убеждает в обратном — он говорит о художнике Вирце [возможно Антуан-Жозеф Вирц]: художник для того, чтобы отобразить на полотне эмоции, испытываемые человеком за минуту до казни, пошел для того, чтобы загипнотизировали, с тем, чтобы он мог проследить те переживания в сознании, когда его гипнотизировали, — и после гипноза, оказывается, он написал хорошую картину. Это плохое доказательство того, что сказал товарищ Зошенко. Если бы это было так, то как понять то, что великие гении оказывались великими тружениками. Если возьмете Аристотеля, Дарвина, Гёте, Гегеля, то биография говорит о том, что они отличались необычайной усидчивостью. Это были величайшие труженики. Если творчество в подсознательном, то причем тут труд — тогда, по-видимому, это осеняет избранных.

Дальше, творчество по мнению автора оплодотворяется и получает соответствующее эффективное выражение под влиянием страдания. Страдания, по мнению Зошенко, чрезвычайно стимулируют творческий процесс. Выходит, что будущий коммунизм, где страдания будут сведены к минимуму, будет очень беден творческим процессом! Зошенко приводит Канта, Гоголя и Ницше, людей, чья творческая деятельность может быть основана на почве сублимации, а как понять творческую продуктивность таких людей, как Маркс и Ленин, которые отличались личной счастливой жизнью.

Если выводить какие-то законы, на основе отдельных биографий — это не научный подход.

Чем объяснить тот исключительный интерес, который вызвала к себе данная книжка? Как понять, что все мы, очевидно, после трудового дня сидим здесь, (а там внизу,

чтобы пройти сюда, нужно было проявить необычайно героические усилия). Совершенно ясно, товарищи, что это не случайность, что это требует какого-то объяснения. Спрашивается, где же объяснение?

Товарищи, иногда секрет люди выбалтывают сами несознательно. На одном из диспутов по поводу этой же книжки один из выступавших, говорят, заявил приблизительно так: «До сих пор мы занимались пятилеткой. Сейчас мы разбогатели и можем обратить внимание на личность». Товарищи, такое понимание вопроса бродит в головах многих, а между тем это неправильно и уже во всяком случае менее всего может претендовать на марксистскую ортодоксальность вопроса. Мы считаем, что люди, именующие себя марксистами, понимают, что выполнение пятилетки не есть растворение личности, не есть разжижение мозгов. Нет, это есть процесс государственного самоутверждения личности. Мы, товарищи, думаем, что вместе со всей страной растет каждый из нас, растет и по своему опыту, и по амплитуде, по размаху своей внутренней жизни, напряженности, интенсивности, которые означают в то же время его богатства, его многогранность, его внутреннюю яркость и красочность.

Товарищи, марксизм никогда не проповедовал точки зрения Зощенко о том, что творчество создается на почве страданий и стимулируется страданиями.

Мы стоим на точке зрения гедонизма. И мы защищаем точку зрения счастья, и мы думаем, что лучшим стимулом для творчества личности может быть не что иное, как условия для счастья всех и для счастья отдельного человека. Значит ли это, что мы рассматриваем коммунизм как рай на земле и благоволение на «небеси». Не кто иной как Ленин сказал, что «антагонизм исчезнет, противоречия останутся».

В самом деле, если бы противоречия не остались при коммунизме, то где был бы двигатель для развития. Был бы всеобщий застой. Но мы думаем, что счастье покупается не теми рецептами, о которых поведал нам автор. Счастье не покупается даже такой ценой, как принадлежность к пролетариату, я думаю, что не покупается даже принадлежностью к Союзу советских писателей. Я думаю, что марксистская сознательность — это наука, которую нужно определять в процессе черновой работы, и никакой талант не может искупить отсутствие знаний марксизма. Вот почему, заканчивая свое слово, я не смею рассчитывать на ваше терпение, я полагаю, что эта книжка, безусловно, с точки зрения марксизма, является глубоко не выдержанной и автору придется много поработать для того, чтобы понять азбучное положение марксизма.

БЕРКАНИ. После блестящего анализа, который дал повести Зощенко только что ушедший с трибуны оратор, трудно сказать что-нибудь глубокое и более интересное, поэтому я позволю занять ваше внимание несколькими замечаниями рядового читателя.

Зощенко говорил, что у него есть свои читатели, которые его понимают, говорят на его языке и т. п. Для меня не совсем понятно, как это у писателя имеется своя каста читателей, с которыми он говорит на одном языке и которые его понимают, а до остальных ему дела нет. Писатель, особенно в наших условиях, в условиях, когда на арену истории выступили многомиллионные массы, писатель не может говорить для «своего читателя», а должен говорить для всей многомиллионной массы, для всех нас с вами.

Сначала разрешите остановиться на нескольких формальных сторонах повести, на вопросе о композиции повести. Основной порок повести Зощенко — это чисто механическое соединение двух частей — беллетристической и, так называемой, научной или комментарий. Проблема объединения литературы и науки, писателей и ученых может быть разрешена не таким механическим соединением разнородных частей, не связанных друг с другом, а может быть разрешена так, как это сделал Лев Николаевич

Толстой в его произведении «Война и мир», где он касается глубоких вопросов социологии. Я не являюсь сторонником взглядов Льва Николаевича Толстого на социальные явления, но повторяю, что это действительное соединение литературы и социологии. Тоже мы увидим, если возьмем «Былое и думы» Герцена, романы Золя, которые представляют не только художественные произведения, но эти книги имеют научное содержание.

Теперь о художественной части произведения «Возвращенная молодость» — даже в художественной части автор мало пользуется чисто художественными приемами — образами, картинками, развитием действующих лиц, характером действующих лиц в действии, а пользуется не столько показом, сколько рассказом об этих лицах. Художественная сторона повести «Возвращенная молодость» стоит не на высокой ступени развития. У того же Зошенко имеется ряд более выдержанных в художественном отношении произведений.

Переходим к комментариям и к проблеме возвращения молодости — основная ошибка Зошенко заключается в том, что он изображает потерю молодости, как состояние, связанное с тем или иным возрастом, и возвращение молодости изображает, как некое новое. Правильное же понимание биологических явлений дает нам основание говорить о старости и о потере молодости как о длительном процессе, который начинается у разных людей по-разному: у одних в 35 лет, у других в 40—50. А вот Иван Петрович Павлов в 80 лет представляет собой молодого человека по физическим силам и умственным способностям. Следовательно, дело не в возрасте, не в чисто формальной стороне дела, не в чисто количественной стороне, а дело в том, как человек живет с самого начала, какие условия жизни сопровождали его с детства и до следующих возрастов.

Несомненно, правильное указание Зошенко на широко распространенное среди интеллигенции переутомление мозга и нервной системы, как причин хандры и меланхолии. Однако, совершенно недостаточное значение придает Зошенко, в то же самое время, социальным условиям жизни. Тут до меня говорили, что Зошенко изображает человека оторвано от жизни, противопоставляя его обезьяне, т. е. биологизирует человека, забывая совершенно социальную природу человека в широком смысле этого слова.

В главе «Потерянное здоровье» мы читаем: «Автор имеет подозрение, что здоровье, во всяком случае, нервное здоровье всех людей всех категорий, всех стран и всех классов значительно снизилось за последнее столетие».

Вы видите, под одну скобку берутся люди всех классов, всех состояний — полная обезличка. (Смех). Но известно ли товарищу Зошенко, что за последние 30 лет, особенно за время революции, у нас средняя продолжительность жизни увеличилась для мужчин на 33 %, а для женщин на 40 %, т. е. не единицы, а тысячи, вся масса людей стала жить дольше.

Дальше, по вопросу об ухудшении здоровья за последнее столетие. А знает ли товарищ Зошенко, что за последнее столетие и в Западной Европе, и у нас такие явления, как чума, холера почти не имеют место, и вообще значительно снизилась эпидемическая заболеваемость. Когда говорят о человеческих коллективах, то нельзя говорить и пользоваться наблюдениями над 10—15 своих знакомых, а надо пользоваться научным методом, методом статистическим. А научный метод показывает повышение средней продолжительности жизни и падение заболеваемости.

«Профессор Василек [Волосатов] принялся изучать свою болезнь по медицинским книгам». Мы услышали от товарища Зошенко, что вследствие болезни, он заинтересовался медициной для того, чтобы излечиться. Для каждого знакомого с медициной ясно, что «... (читает)... специалистов» [так в тексте].

В другом месте Зощенко говорит: «От физкультуры он буквально... (читает)... голосом». Это неправдоподобно и неубедительно, и в другом месте он говорит относительно профессора Василька: «Его дочь Лида... (читает)... семьи» [так в тексте].

Таким образом, по мировоззрению товарища Зощенко, занятие физкультурой противопоставляется общественной работе. Общественная работа необходима для того, чтобы был смысл в жизни, и вместе с тем нужно соблюдать требование гигиены душевной жизни.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В виду того, что мы находимся в 12-м часу, нужно сократить прения. Предлагается выступающим давать только пять минут.

ЛЕБЕДЕВ. (Студент, социально-экономический ВУЗ). Мое выступление связано с выступлением товарища Прусаковой. Она весьма выдержанно, с марксистской точки зрения, подвергла анализу произведение Зощенко и пришла к выводу, что отсутствует марксизм, диалектическое понимание нашего развития, в особенности, ленинского понимания развития общества, и не знаю, что еще она могла бы приписать. Я возьму на себя смелость сказать, что товарищ Прусакова отстала от жизни. Вы помните в 1933 году постановление партии об реорганизации РАППа и организации Союза писателей? До этого существовал у нас такой лозунг, что творческий метод должен быть диалектическим, материалистическим и вокруг этого метода плавала наша критика, плавали писатели и не находили его пока партия не сказала, что не диалектический метод творчества, а метод социалистического реализма. Товарищ это упустила из виду.

Второе то, я не знаю, чем это объяснить, но марксистское понятие художественной литературы для товарища Прусаковой не совсем ясно. Еще Гегель говорил, что искусство есть отображение образами, вытекающими от идеи или абсолютного духа. Маркс сказал, что не абсолютная идея или абсолютный дух, а искусство есть мышление образами, такими образами, которые отображает реальная действительность, и что искусство делится на целый ряд элементов: литература, скульптура, музыка и т. д. Поэтому литература в каждой экономической общественной формации, художественная литература является партийной и отображает интересы того класса господствующего, которому она служит. У нас нет попутчиков, антисоветских писателей. Может быть вообще они и есть, но не в нашем Советском Союзе. Было бы неправильно ставить вопрос так, что идеология каждого писателя одинакова, чисто марксистско-ленинская и что каждый писатель отображает действительность так, как того требует марксизм-ленинизм. Не в этом дело. Нужно к этому вопросу подойти так. Вот товарищ Зощенко пишет в цитате на пригласительном билете: «Я действительно стремился помочь...». Оправдал ли он этот эпиграф? — Я считаю, оправдал.

Я не литературный критик, я только читатель, который уважает Михаила Михайловича. Правда, он уже наскучил старым сюжетом, потому что его сюжетом было мещанство. Он очень метко бьет по мещанству, по гаденьким людям. И вот одним из достоинств Зощенко в этой книге является опять-таки, что он сильно ударил по мещанству, он показал никчемность Кашкина и такой девицы, как Туля, которая 5 раз выходит замуж и ищет с ромбами. Но нет такого, который бросился на такую никому не нужную девчонку. И тут Зощенко оправдал ожидания. Это — новая заслуга в его художественном, творчестве.

Какие же ценности реальные вытекают из его произведения. Самая важная социальная ценность его произведения — это призыв борьбы за жизнь. Когда я прочел эту его книгу, я понял сразу, что она зовет к укреплению здоровья, что жить нужно, что жизнь интересна. Верно это или нет? Я считаю, что это верно. В этом его социальная ценность.

Я вот сопоставил Зощенко с буржуазным писателем Уэллсом [Герберт Джордж Уэллс], который, стал описывать гниль капитализма, упадочное настроение. А вот

сущность советского писателя заключается в том, что не дает упадочничества, а дает подъем, борьбу за жизнь, за свое здоровье. Я согласен с товарищем Прусаковой в том отношении, что она приводит целый ряд примеров того, что в человеке борются две противоположных стороны. В качестве примера такого «двустороннего» человека можно привести Достоевского. Мы знаем, что в нем, как говорил Луначарский, происходила «борьба Бога и черта». Так вот Достоевский пошел по реакционному пути, как следствие двойственности, и его произведение «Бесы» является ярким результатом этого направления. Какой интересный вопрос он задел — интересен вопрос целеустремленности человека. Если человек нашел смысл и цель жизни, то ему легче бороться и за здоровье. Я обижен, что товарищ Зоценко не привел в качестве долгоживущих таких людей, как Маркс, Энгельс и такого величайшего человека XV века, как Микеланджело. Мы не говорим, что он был марксист, но у него, была цель жизни — он стремился производить крупные произведения. Он думал, что построил из скалы такую фигуру, которая будет видна в море за сотни километров, и он прожил очень долго. Целеустремленность человека играет весьма существенную роль. Возьмите также целеустремленность Маркса, Энгельса, они выбрали верный путь для своего творчества и люди прожили немало — Маркс — 65 лет, Энгельс — 70 с лишним [Карл Маркс — 64 года, Фридрих Энгельс — 74 года].

Подходить к оценке художественного произведения нужно с двух сторон. Было бы смешно заставить автора писать философские трактаты. Философские трактаты пишут не писатели, а призванные люди, вроде Прусаковой, и правильно будет сказано, что мы должны требовать с писателя качество. (Бурные аплодисменты).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не буду заключать прения, потому что они довольно очевидно выпуклы были, а во-вторых, Михаил Михайлович это сделает гораздо лучше меня, но сам лично я должен сказать несколько слов.

Я сегодня от Михаила Михайловича слышу ясную формулировку и весьма удовлетворен — он показывал в повести пока химеру идеи омоложения, насколько она доступна.

Мы медики любим говорить о своих успехах — из курицы петуха можем сделать и наоборот. (Смех). Но, когда дело дойдет до практической реализации этого, то тут не выходит. Так из Штейновской молодости, кроме крысиной молодости ничего не вышло (смех), но я чувствовал, читая книгу, что важна не столько проблема омоложения, но поставленная и проведенная красной нитью идея, что нужно уметь держать свою жизнь в руках, чтобы завоевать себе здоровую старость, а не молодость, бодрую духовно, так как наш гениальный Иван Петрович умеет быть молодым в 85 лет и не только умеет, а и признается таковым всеми.

Над этим Михаил Михайлович много поработал. Старость, конечно, — не радость (смех), кто бы не желал по-фаустовски помолодеть и видеть рядом с собой молодую Наину — прежнюю пастушку, а не такую, как ее страшно изменила природа. (Смех). Оказывается, как вы недавно читали популярное изложение в «Известиях», наша старость зависит от того, что у стариков накапливается в организме тяжелая вода. (Смех). Правда, это мы давно замечали, что пожилой профессор умеет по сравнению с молодым лить больше воды. (Смех). От всего этого избавиться было бы желательно. И все-таки рецепт такой: надо воевать со старостью. Я согласен, что, несмотря на то, что Михаил Михайлович приводит пример с Пастером, лучше после кровоизлияния в мозг омоложения не производить. (Смех).

Но тем не менее Михаил Михайлович прав, что гениальный труд у Пастера вышел после его болезни (гемиплегии). Мы знаем также, что Чудковский, знаменитый врач, занимал 5 лет кафедру в Институте усовершенствования врачей после кровоизлияния

в мозг. Он работал в Одессе, потом приехал сюда и работал очень долго. Нельзя так легко подходить к этому вопросу. И так можно подходить и так. (Смех, аплодисменты).

Второе. Товарищ Зоценко сказал, что вот в литературе он возьмет книжку и знает, хороша она или нет. У нас медиков тоже имеется такое умение распознавать. Мы тоже знаем: эта — хорошая книжка, а эта — плохая.

И очень часто так и бывает. Мы вам назовем гениальные труды и это все чувствуют, и никто не оспаривает. Мы назовем и плохие книжки. Так что этого чувства не лишены и медицинские работники.

Теперь я все-таки в заключение сделаю краткое замечание. Наоборот, Михаил Михайлович оказывается боится, что его сочтут шарлатаном и в то же время на него сетуют, что он не оставил рецепта омоложения. Оказывается, рецепт есть в его книжке. Кто не знает, что самым оздоравливающим для равновесия душевного служит здоровый юмор, и если хотите быть молодым, то читайте его книжку. (Смех, аплодисменты). Я выступаю на третьем диспуте, и чувствую, что я года на 2–3 моложе. (Аплодисменты).

Слово предоставляется Михаилу Михайловичу. (Продолжительные аплодисменты).

ЗОЦЕНКО. Очень коротко скажу несколько слов. Я сегодня выслушал и большие комплименты, и резкую критику вплоть до грубых слов, но дело в том, что я все же ухожу с таким же чувством сомнения, как я уходил с прежних диспутов. Я понимаю, что одного мнения не может быть у всех, что существуют мнения разные, но полярно противоположные мнения, когда идет речь о науке — невероятны. После большого комплимента вышла товарищ Прусакова, вышла и сказала грубые вещи, и пыталась меня учить азбуке марксизма, как человек, который ничего не видит кроме своих мыслей. Я не понимаю, как это случается, что после уверенных точных слов, выходит какой-то человек и зачеркивает прошлые слова целиком. Я все же ухожу с тем же ощущением некоторого сомнения.

Мне хотелось сказать о том, как возникла моя книга. Тут говорили, что я был болен и, может быть, поэтому написал потом такую книгу. Писатель пишет не потому, что у него возникает какое-то желание, — дай я напишу о медицине, а писатель ощущает необходимость темы, в частности, я ощутил эту необходимость темы, благодаря тем письмам, которые я получал от читателей. Я получал их очень много и меня путали с врачом — мне задавали такие вопросы, на которые должен отвечать врач, и благодаря этому я почувствовал, что необходимо написать книгу, которая покажет кое-какие медицинские истины, так что у меня не было такой случайной потребности. Это было очень обоснованное желание.

Мне хотелось ответить на 2–3 вопроса, которые меня не совсем удовлетворили. Вот профессор Мендельсон говорил о том, что великие люди жили долго. Я и не хотел сказать, что великие люди гибли, главным образом, и чаще всего в молодые годы. Я хотел сказать, что наилучшие люди это, само собой разумеется, не только великие люди, весь отряд великих людей, передовой отряд — Пушкин, Белинский, Моцарт, Шопен, люди, которые стояли на первом месте — вот они рано умирали. Они гибли рано и потому я сделал сравнение с тратой их нервной энергии. Так как трата этой энергии была чрезвычайно велика, то я пытался найти объяснение этому факту.

Что касается Гоголя, то я не говорил, что Гоголь умер потому, что он ошибся в жизни. Конечно, он боролся с душевной болезнью, может быть, родовой душевной болезнью, но мне показалось, что можно было работать, можно было уйти или надолго отделить от себя эту душевную болезнь.

В остальном все положения меня удовлетворили — очень правильные и очень интересные для меня. Точно также было интересно мне прослушать и доктора Соко-

лова. Дело в том, что сегодняшний вечер для меня является замечательным вечером в том смысле, что я вынес больше, чем из других вечеров, я вынес кое-какие поправки к моей книге. А кроме того я услышал некоторые положения, которые несколько заново осветили некоторые вопросы.

Мне было очень интересно также выслушать товарища Лебедева. Я удовлетворен его замечаниями и признателен ему за то, что мне не придется разъяснять товарищу Прусаковой, которые товарищ Лебедев так правильно и конкретно развернул.

Вот я отвечу еще на последние несколько записок, которые я получил и на этом мы закончим.

ЗАПИСКА. «Михаил Михайлович, меня поразила ваша наружность, (смех) — грусть и скорбь так противоречат юмористическому писателю. Чем объяснить такое несходство? Меня этот вопрос интересует не как простого обывателя, а как врача невропатолога».

ЗОЩЕНКО. Возможно, что это некоторое природное свойство юмориста. Вы знаете, у Бальзака есть произведение «Шагреновая кожа», вы знаете, что с каждым кусочком этой кожи сокращается, может быть с каждой страницей, которой я отдаю свой смех, у меня сокращается веселость. (Аплодисменты).

ЗАПИСКА. «Товарищ Зощенко, пусть люди говорят, что хотят, но я, психический больной, скажу, что ваша книга — большой кусок психотерапии. Вы преподнесли читателям то, что врач не в состоянии преподнести». (Смех, аплодисменты).

ЗОЩЕНКО. Поскольку автор психически больной, то не знаю, как принять эту похвалу. (Смех). Ну и что же? Ничего, помаленьку. (Смех).

ЗАПИСКА. «Не имея знаний в этом вопросе, не следует братья за такой серьезный вопрос».

ЗОЩЕНКО. А вам не следует тогда приходить.

ЗАПИСКА. «Товарищ Зощенко, хотелось бы знать ваше мнение, как можно объяснить такую активность медицинского мира — или это потому, что люди этой профессии обойдены невниманием писателей, или потому что вы первый дерзнули простым языком говорить об упомянутой науке?»

ЗОЩЕНКО. Я очень признателен за внимание и за все то хорошее, что я слышал здесь. Сегодняшний вечер очень ценен, и я признателен Дому медработника. (Продолжительные аплодисменты).